

УДК 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.06

Кириянов Игорь Константинович

доктор исторических наук, доцент

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Пермь, Россия

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877X

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Предметом исследования в данной статье стала практика политического использования истории членами Государственного совета и Государственной думы периода Первой мировой войны. Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики. Источниковую базу составили стенографические отчеты заседаний Государственного совета и Государственной думы. Исследование проведено с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднеимперской России». Выявлены следующие базовые сюжеты из прошлого в парламентских выступлениях, актуализированные ходом Первой мировой войны: исторические аналогии происходящего, исторические герои, историческая обусловленность решаемых геополитических задач, констатация прежних ошибок в отношениях с Пруссией/Германией, артикуляция исторических обид по поводу «немецкого засилья». В отечественных парламентских дискуссиях периода Первой мировой войны оказались задействованы основные приемы инструментального использования исторического знания, сформировавшиеся в предшествующее время. Специфика их применения в изучаемое время заключалась в том, что прошлое актуализировалось за редким исключением одним процессом в настоящем — самой войной.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственная дума, парламентские дебаты, политическое использование истории.

UDC 94:328.1(470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.06

Kiryanov Igor K.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Perm Federal Research Center

Ural Branch Russian Academy of Sciences

Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877X

APPEAL TO HISTORY IN RUSSIAN PARLIAMENTARY DEBATES DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The paper deals with the practice of political use of history by members of the State Council and the State Duma during the First World War. The theoretical framework of the study is the concept of symbolic politics. The source base was made up of verbatim records of meetings of the State Council and the State Duma. The study was conducted using the instrumental capabilities

of the portal *Parliamentary History of Late Imperial Russia*. The following basic plots from the past in parliamentary speeches, updated by the course of the First World War, were revealed: historical analogies to what is happening, historical heroes, the historical conditionality of the geopolitical tasks being solved, a statement of previous mistakes in relations with Prussia / Germany, the articulation of historical grievances about the “German dominance”. In the domestic parliamentary discussions of the period of the First World War, the main methods of instrumental use of historical knowledge, which had been formed in the previous time, turned out to be involved. The specificity of their application was that the past was updated, with rare exceptions, by one process in the present — the war itself.

Keywords: First world war, State Duma, parliamentary debates, political use of history.

Введение. На значение сюжетов из прошлого в формировании образа врага в отечественной пропаганде периода Великой войны обращается внимание во многих исследованиях последнего времени¹. В частности, Е. С. Сеньявская в анализе пропагандистской составляющей противостояния России с Германией в двух мировых войнах исходила из следующего положения: «Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников — низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон — участниц... войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология “свой – чужой” в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг»². В свою очередь, Т. А. Филиппова и П. Н. Баратов, основываясь на анализе журнальной сатиры периода Первой мировой войны, отмечают, что в образе турка проявились «все прежние архетипы “врага с Востока”», а на «фобийную составляющую» образа Германии сработали «все исторические архетипы в восприятии “немца” — “тевтонца”, “пруссак”, “германца-агрессора” — как концентрированного воплощения традиционной “угрозы с Запада”»³.

Предметом настоящего исследования стали практики политического использования истории на заседаниях Государственного совета и Государственной думы периода Первой мировой войны. Отчасти данный сюжет затрагивался в работах С. В. Бааха⁴, а также лингвиста С. А. Громыко, проиллюстрировавшего персуазивный смысл довода

¹ См., напр.: *Сеньявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Горбачева Л. О.* Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 170–181; *Филиппова Т., Баратов П.* «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014; *Самсонова Л. А.* Война в картинках. Отечественный лубок периода Первой мировой войны. На примере коллекции плакатов-лубков из собрания музея заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока (Красноярск). 2022. № 4 (13). С. 99–105.

² *Сеньявская Е. С.* Указ. соч. С. 62.

³ *Филиппова Т., Баратов П.* Указ. соч. С. 13, 165.

⁴ См., напр.: *Баах С. В.* Трансформация содержания «немецкого вопроса» в контексте деятельности Государственной думы (1906–1917) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.). М., 2007. С. 189–199.

в думских речах к Смутному времени («в Смутное время был X и делал Y, а в наше время есть Z, который также будет / может / способен делать Y»⁵), цитатой из речи В. М. Пуришкевича 19 ноября 1916 г.: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева»⁶.

Источниковую базу исследования, проведенного с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история поздней имперской России», составили стенографические отчеты заседаний Государственного совета и Государственной думы.

Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики, являющейся, по определению О. Ю. Малиновой, «публичной деятельностью, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве». Одним из проявлений символической политики выступает политическое использование прошлого. При этом политика имеет дело с актуализированным прошлым, конструируемым посредством отбора «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик»⁷.

Ход и результаты исследования. Анализ содержания исторических интерпретаций в парламентской риторике военной поры проведен в рамках устоявшейся периодизации эволюции политических и патриотических настроений в Таврическом дворце⁸. Контент-анализ выявил следующую динамику использования категории «история» в парламентских дебатах:

– фаза «священного единения» (чрезвычайные сессии обеих палат 26 июля 1914 г., третья сессия Государственной думы четвертого созыва (27–29 января 1915 г., 3 заседания) и десятая сессия Государственного совета (17–30 января 1915 г., 6 заседаний)): 19,25 употреблений в среднем за одно заседание, доля таких единиц как «исторический / -ая / -ое» в качестве оценки значимости переживаемого события составляет 45,5 % в Государственной думе и, соответственно, 5,7 и 45 % — в Государственном совете;

– фаза «патриотической тревоги» (четвертая думская сессия (19 июля – 3 сентября 1915 г. и 9 февраля – 20 июня 1916 г., 60 заседаний), одиннадцатая (19 июля – 3 ноября 1915 г., 10 заседаний) и двенадцатая (9 февраля 1916 г. – 22 июня 1916 г., 33 заседания) сессии верхней палаты): 8,88 употреблений в среднем за одно заседание,

⁵ Громько С. А. Обращение к истории как исторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 114.

⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 288.

⁷ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 32–33.

⁸ См., напр.: Иванов А. А. «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Россия в Великой войне: материалы Международного общественно-научного форума «Великая война: Уроки истории». М., 2014. С. 141–154; Аксенов В. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023. С. 374–392.

доля единиц «исторический / -ая / -ое» составляет 11,8 % в Государственной думе и, соответственно, 2,3 и 15,2 % — в Государственном совете;

– фаза «штурма власти» (пятая сессия Государственной думы (1 ноября 1916 г. – 26 февраля 1917 г., 24 заседания) и тринадцатая сессия Государственного совета (1 ноября 1916 г. – 26 февраля 1917 г., 14 заседаний)]: 6,68 употреблений в среднем за одно заседание, доля единиц «исторический / -ая / -ое» составляет 22,2 % в Государственной думе и, соответственно, 4,5 и 55,6 % — в Государственном совете (данные относятся только к первым двум заседаниям, по которым опубликованы стенографические отчеты).

Исследование позволило выделить базовые сюжеты из прошлого в парламентских выступлениях, актуализированные ходом Первой мировой войны: исторические аналогии происходящего, исторические герои, историческая обусловленность решаемых геополитических задач, констатация прежних ошибок в отношениях с Пруссией/Германией, артикуляция исторических обид по поводу «немецкого засилья».

Исторические аналогии

Первое обращение к истории в связи с начавшейся войной прозвучало в Государственном совете и Государственной думе от председателя Совета министров И. Л. Горемыкина в чрезвычайных заседаниях обеих палат 26 июля 1914 г.: «За всю многовековую историю России, быть может, только одна Отечественная война, только 1812 год равняется по своему значению с предстоящими событиями»⁹. И если в Мариинском дворце данное сравнение в ряду других нашло отклик в эмоциональном выступлении архиепископа Арсения: «С нами Бог был на полях Куликовских, когда заря свободы воссияла над Россией; с нами Бог был на полях Полтавских, когда творец новой России одолел страшного ее врага и определил ее будущее значение в системе европейских государств; с нами Бог был в 1613 г., когда решался вопрос о том, быть или не быть Царству Русскому и был избран на Царский Трон благословенный родоначальник благословенного, и до ныне царствующего в ней, Дома; с нами Бог был и в 1812 г., когда для избавления нашего Отечества от двадцати разноплеменных народов принесена была драгоценнейшая жертва сердце России — Москва, но верующая Россия узрела дивное заступление Божие и гибель наших врагов»¹⁰, — то в Таврическом дворце на первом «военном» заседании была упомянута только Грюнвальдская битва 1410 г. в речах поляка В. Ф. Яронского и литовца М. М. Ичаса, оказавшаяся единственной исторической аналогией в думских дебатах на стадии «священного единения».

Широкое распространение в официальной пропаганде аналогии с Отечественной войной 1812 г. привело к использованию в парламентской риторике вариаций порожденных ею наименований для шедшей войны:

- «война великая отечественная и даже священная» (С. В. Левашов, 27 января 1915 г.);
- «отечественная война» (Г. А. Фирсов, К. К. Фирсов, 27 января 1915 г.; М. В. Родзянко, 19 июля 1915 г.; Н. М. Фридман, 20 июля 1915 г.);
- «вторая отечественная война» (Н. Н. Покровский, 27 января 1915 г.);

⁹ Стенографический отчет заседания Государственного Совета, созданного на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 3; Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созданного на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 16.

¹⁰ Там же. Стб. 4–5.

- «наша великая отечественная всемирная война» (Д. И. Багалей, 28 января 1915 г.);
- «великая отечественная война» (А. В. Васильев, 28 января 1915 г.);
- «великая вторая Отечественная война» (П. П. Кузьмин, 8 декабря 1916 г.).

Между тем в думских дебатах в фазах «патриотической тревоги» и «штурма власти» более популярным становится сравнение текущей ситуации с событиями Смутного времени. Одним из первых думцев подобную аналогию провел кадет А. И. Шингарев: «Русская история, гг., знает многие годы, которые требовали от всех государственных сил напряжения в борьбе с внешним врагом. Такие годы, похожие на смутное время начала XVII века, переживаем мы и теперь»¹¹, — тогда как трудовик А. Ф. Керенский сомневался в ее корректности, полагая, что «мы переживаем небывалую в исторические времена, в жизни нашей родины смуту, смуту, перед которой время 1613 г. кажется детскими сказками!»¹².

Все чаще использование исторических параллелей связывалось не столько с противостоянием внешнему врагу, сколько с преодолением внутреннего кризиса и победой над внутренним врагом. Так, октябрист И. В. Годнев 29 ноября 1916 г. завершил свою речь следующим пассажем: «Гг., на днях один из старейших Членов Государственного Совета сказал: “отечество в опасности”. Если это так, то нужно, как в начале XVII столетия, чтобы оно было спасено. Но, гг., кто может спасти в настоящую пору Россию, как не лица от земли, выбранные всей землей, так же, как они спасли ее в 1611 г.? Как тогда спасали земские люди и земский собор, так теперь должны спасти вы, как избранные народа, заменяющие земский собор. <...> Как тогда, в XVII столетии, для спасения России было разбито боярство и произошла смена господствующего класса, так и сейчас должна быть разбита губительно влияющая на государственную жизнь в разных видах проявляющаяся темная сила, о которой я вам не буду говорить, но которую вы отлично знаете»¹³. В свою очередь, кадет Ф. И. Родичев в последнем думском заседании 24 февраля 1917 г. закончил выступление едва ли не революционным призывом: «Гг., положение России ясное. Оно такое же, как и тогда. Мы боремся не только с внешним врагом, мы боремся с лагерем Тушинского вора. И да будет с ним покончено с сегодняшнего дня»¹⁴.

Исторические герои

В пантеон исторических героев, имена которых встречались в выступлениях отечественных парламентариев военной поры более одного раза, вошли русские князья Александр Невский и Дмитрий Донской; великий князь литовский Витовт; руководители Второго народного ополчения князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин; российские императоры Петр I и Александр I. Если на фазе «священного единения» чаще упоминались персонажи из отдаленного русского прошлого, то на фазах «патриотической тревоги» и «штурма власти» — преимущественно патриоты Смутного времени. Если Д. П. Голицын-Муравлин в речи 30 января 1915 г., в самой концовке десятой сессии Государственного совета, объединив мифических и реальных персонажей, пафосно произнес: «Богатыри наших былин возродились, нашли себе перевоплощение в нашем победоносном несокрушимом воинстве. Илья Муромец отражает Зигфрида.

¹¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 908.

¹² Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 1347.

¹³ Там же. Стб. 552–553.

¹⁴ Там же. Стб. 1715.

Если правда, что сказочный мир каждого народа выражает его стихийную сущность, то с радостью отметим, что наша стихия сильнее Нибелунговой, воспевающей предательство и злобу. <...> С высоты Престола на всех нас сияют лучи, в которых чуткая русская душа распознает завет Ярослава Мудрого, Св. Александра Невского, Ивана Калиты и Дмитрия Донского...»¹⁵, то В. М. Пуришкевич в думском выступлении 19 ноября 1916 г. подчеркнул, что он говорит от имени «России Пожарского и Якова Долгорукова, России Кузьмы Минина и Ивана Сусанина»¹⁶.

Исторические задачи

Исторический контекст геополитических задач участия России в Первой мировой войне обозначил председатель Совета министров И. Л. Горемыкин на думском заседании 27 января 1915 г., заявивший о завещанных «предками исторических задачах на берегах Черного моря». Этот тезис поддержали:

– октябрист Е. П. Ковалевский («Проливы — ведь это ключ и замок от нашего дома; они должны находиться в русских руках с необходимою вокруг этих проливов территорией. <...> ...Всякая попытка со стороны кого бы то ни было воспрепятствовать выполнению этих исторических задач была бы признана Россией, как покушение на ее национальную честь и кровные интересы»);

– националист А. И. Савенко («крепнет наша вера и окрыляется наша надежда, что великому нынешнему царствованию суждено осуществить другую великую, заветную мечту русского народа: суждено осуществить то стремление, которое завещано нам всей нашей свертхтысячелетней историей. Я говорю о проливах, о Царьграде, к которым стремился русский народ, начиная с Олега и Игоря»);

– правый С. В. Левашов («проливы, составляющие выход из Черного моря вместе с соответственными участками суши на Европейском и Азиатском берегах, должны непременно поступить во владение России. Это есть самая древняя наша историческая задача, которая должна быть абсолютно удовлетворена. Русский щит должен быть прибит к вратам Царьграда, над св. Софией должен заблистать снова православный крест»)¹⁷.

Историческим задачам, как они воспринимались на фазе «священного единения» и которые необходимо было решить победой в войне, А. Ф. Керенский 15 февраля 1917 г., на фазе «штурма власти», противопоставил новую историческую задачу, порожденную самой войной: «Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало...»¹⁸.

Исторические ошибки и обиды

Уже на первом заседании военной поры лидер думских националистов П. Н. Балашев заявил о том, что для России настало время «исправить некоторые свои исторические ошибки, ошибки XVIII столетия, ошибки 1815, 1848 и 1870 гг.»¹⁹. К сюжету

¹⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия десятая. Пг., 1915. Стб. 118.

¹⁶ Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 288.

¹⁷ Там же. Сессия 3. Пг., 1915. Стб. 7, 39, 63, 71.

¹⁸ Там же. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 1353.

¹⁹ Стенографический отчет заседания Государственной Думы... Стб. 26.

о том, что под ошибками понимался особый характер отношений с Пруссией/Германией в течение длительного периода, депутаты возвращались неоднократно, особенно в дискуссиях о «немецком засилье». Так, в феврале 1916 г. поляк Ф. Ф. Рачковский полагал, что «с момента провозглашения войны раз навсегда поставлен крест над тем периодом истории, когда Россия шла с немцами против поляков, и что действительно настала новая эра вечного дружного отпора всего славянства угрожающему германизму», а редко выступавший Д. Н. Святополк-Мирский (группа беспартийных депутатов) конкретизировал содержание этих «жестоких ошибок»: «Достаточно вспомнить хотя бы судьбу Восточной Пруссии, при Петре III возвращенной нами разбитому нами Фридриху II. Достаточно вспомнить дальнейшее наше в начале прошлого столетия донкихотствование в отношении Пруссии, Священный тройственный союз, обманчивым обликом социальной и политической солидарности, вытеснивший нас с Ближнего Востока, наконец, наше неизменное благоприятствование Пруссии, приведшее к столь несогласному с нашими интересами созданию Германской империи»²⁰.

Обсуждение в Государственной думе 3 августа 1915 г. заявления, инициированного фракцией правых, об образовании комиссии «о всех мероприятиях по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни» спровоцировало артикуляцию исторических обид. Показательна в этом отношении позиция думских кадетов. Застрельщиком дискуссии выступил депутат от Риги С. П. Мансырев, указавший на то, что «в течение 200 лет русской истории, со времени призвания немцев как учителей зачатков нашей культуры, нашей хозяйственности, нашей промышленности и просвещения, благодаря поблажкам и бессилию и неспособности русской государственной власти — вся полнота власти перешла к ним во всех областях управления. Ярким олицетворением этой грозной фигуры германизма, смотрящего на Россию, как на навоз, как на рабов, как на почву, достойную только быть колонией для высококультурных деятелей, служит Бирон. <...> Эти правящие классы всегда были чужды за эти 200 лет русскому народу, не понимали, не знали его; эти классы отрекались от живой связи с Россией. Признавая себя гражданами общего всемирного отечества, в которое они Россию не включали, они, творили историю»²¹. Ф. И. Родичев обратил внимание на синонимичность в России понятий «немецкое влияние», «крепостничество» и «реакция»: «Я долгих экскурсий в историю делать не стану, я вам напомним одно обстоятельство из старых времен, из XVIII столетия. Старое наследие русской истории, крепостное право, было несчастьем. Насилием и оскорблением оно сделалось в 1762 г. под немецким влиянием, и с 1762 г. завинчивается наглухо винт крепостного права, до тех пор, пока в 1861 г. его не разрушили. И мы не забудем той роли, которую немецкая струя в русской бюрократии, в русской власти оказала на страдание русского народа»²². В свою очередь, лидер кадетов П. Н. Милюков, заявив, что фракция не будет вотировать против образования указанной комиссии, все же предостерег от борьбы с немецким культурным влиянием: «На эту кафедру выходили ораторы, которые протестовали против культурного влияния Германии во имя патриотизма, славянства и русской культурной независимости. Гг., такие протесты произносить легко, но заявлять их — значить бороться с собственной историей, как ее сложила наша судьба.

²⁰ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1496, 2482.

²¹ Там же. Стб. 393.

²² Там же. Стб. 411.

Когда сто лет тому назад велась отечественная война, когда двор и большая часть русского культурного общества говорили по-французски лучше, чем по-русски, когда взрыв патриотизма был в России не менее силен, чем теперь, никто не протестовал против французского культурного влияния. Оно существовало раньше, оно продолжалось и потом. Я спрашиваю, что было бы, если бы из русской истории было вычеркнуто французское культурное влияние? Что было бы, если бы после каждой войны с новым врагом, мы вычеркивали культурное влияние страны, к которой этот враг принадлежит? Я полагаю, что прошлого русской культурной истории мы бы этим, все равно, не изменили, а в будущем сделали бы ее в значительной степени более бедной. <...> Борьба с немецким засильем не должна быть борьбой с культурой, с русской европеизацией, в которой Германия сыграла огромную и благотворную роль»²³.

Одним из последних, кто с думской кафедры актуализировал прошлое в связи с историческими обидами, оказался уже упоминавшийся Д. Н. Святополк-Мирский. В более чем полуторачасовой речи 29 февраля 1916 г. при обсуждении сметы Министерства внутренних дел он «позволил себе остановиться на вопросе о том положении, которое занимают немцы в нашей внутренней жизни, как в политической, так и социальной», доказывая ссылкой на «исторические исследования целого ряда талантливых русских ученых», включая В. О. Ключевского, с одной стороны, самодостаточность допетровского государственного порядка, а с другой — негативное и своекорыстное немецкое политическое влияние: «Немцы, как заграничные, так и наши, как известно, немало попользовались и немало поживились насчет русского народа, немало пожили насчет русского народа и государства. В то же время немцы, и заграничные и наши, в ослеплении присущего им безграничного самодовольства, вполне искренно уверены, что они облагодетельствовали Россию, что со времени петровских реформ они культурно возродили и переродили наше отечество»²⁴.

Заключение. В отечественных парламентских дискуссиях периода Первой мировой войны оказались востребованы основные приемы инструментального использования исторического знания, сформировавшиеся в предшествующее время²⁵. Специфика их применения в изучаемое время заключалась в том, что прошлое актуализировалось за редким исключением одним процессом в настоящем — самой войной. Чаще всего члены Государственной думы и Государственного совета прибегали к таким приемам, как пример из истории в качестве довода для обоснования высказываемой позиции (исторические аналогии, исторические герои); объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого (исторические ошибки, исторические задачи); артикуляция исторической обиды. Существенно в меньшей степени, едва ли не в единичных случаях, думцы обращались к таким приемам, как призыв к забвению / забыванию /

²³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 499–500.

²⁴ Там же. Стб. 2479.

²⁵ См.: *Кирьянов И. К.* Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов позднеимперской России, 1906–1907 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 71–79; *Его же.* Битвы на полях истории в Государственной думе позднеимперской России: кейс третьего созыва // Таврические чтения – 2021. СПб., 2022. Ч. 1. С. 35–42.

прощению прошлого; указание на незнание истории оппонентами; обвинение последних в фальсификации истории.

Показательна эволюция в применении приема, в рамках которого определенная интерпретация истории выступает маркером групповой идентичности. На фазе «священного единения» впервые отношение к прошлому объединило практически весь корпус парламентариев (великое прошлое и исторические победы). На фазе «патриотической тревоги» единодушие в оценках прошлого отличало когорту депутатов, связанных с Прогрессивным блоком, но стремилось к расширению при артикуляции исторической обиды. На фазе «штурма власти» исторические аналогии все чаще ограничивались Смутным временем с акцентом не на внешних проблемах, а на кризисе российской государственности, с намеком на приближение второго такого кризиса. Подобная интерпретация оказалась приемлемой для достаточно широкой и неожиданной группировки депутатов — от А. Ф. Керенского до В. М. Пуришкевича — группировки, объединяющей идеей которой выступала борьба не за, а против.

Литература

1. Аксенов В. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.
2. Баах С. В. Трансформация содержания «немецкого вопроса» в контексте деятельности Государственной Думы (1906–1917) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы XI Международной научной конференции (Москва, 1–3 ноября 2006 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 189–199.
3. Горбачева Л. О. Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность (Екатеринбург). 2013. Вып. 13. С. 170–181.
4. Громыко С. А. Обращение к истории как исторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 112–115. DOI: 10.23670/IRJ.2017.61.031
5. Иванов А. А. «Священное единение», «патриотическая тревога» и «штурм власти»: эволюция настроений российского парламента в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Россия в Великой войне: материалы международного общественно-научного форума «Великая война: Уроки истории» (Москва, 31 июля 2014 г.). М.: Издание Государственной Думы, 2014. С. 141–154.
6. Кирьянов И. К. Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов позднеимперской России, 1906–1907 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 71–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06
7. Кирьянов И. К. Битвы на полях истории в Государственной думе позднеимперской России: кейс третьего созыва // Таврические чтения – 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.): сборник научных статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2022. Ч. 1. С. 35–42.
8. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред.: А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
9. Самсонова Л. А. Война в картинках. Отечественный лубок периода Первой мировой войны. На примере коллекции плакатов-лубков из собрания музея заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 2022. № 4 (13). С. 99–105. DOI: 10.17516/2713-2714-0073

10. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 287 с.

11. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2014. 271 с.

References

1. Aksenov V. Voina patriotizmov: propaganda i massovye nastroyeniia v Rossii perioda krusheniia imperii [The war of patriotism: propaganda and mass moods in Russia in the period of the empire's collapse]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 480 p. (In Russ.).

2. Baakh S. V. Transformatsiia sodержaniia «nemetskogo voprosa» v kontekste deiatel'nosti Gosudarstvennoi Dумы (1906–1917) [Transformation of the content of the German question in the context of the activities of the State Duma (1906–1917)] // Rossiiskoe gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnoshenii (XVIII–XXI vv.): materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 1–3 noiabria 2006 g.) / ed. by A. A. German. Moscow: MSNK-press, 2007. P. 189–199. (In Russ.).

3. Gorbacheva L. O. Ofitsial'naia propaganda i formirovanie obraza vruga v rossiiskom obshchestvennom soznanii v gody Pervoi mirovoi voiny [Official propaganda and the formation of the image of the enemy in the Russian public mind during the First World War] // Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost' Ekaterinburg, 2013. Issue 13. P. 170–181. (In Russ.).

4. Gromyko S. A. Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlament-skoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi Dume) [Appeal to history as a rhetorical argument in russian parliamentary speech (based on the speeches of Nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Ekaterinburg, 2017. № 7 (61). Pt. 1. P. 112–115. DOI: 10.23670/IRJ.2017.61.031 (In Russ.).

5. Ivanov A. A. «Sviashchennoe edinenie», «patrioticheskaiia trevoga» i «shturm vlasti»: evoliutsiia nastroyenii rossiiskogo parlamenta v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) [“Holy unity”, “patriotic anxiety” and “storm of power”: the evolution of the mood of the Russian parliament during the First World War (1914–1917)] // Rossiia v Velikoi voine: materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-nauchnogo foruma «Velikaia voina: Uroki istorii» (Moskva, 31 iuliia 2014 g.): Izdanie Gosudarstvennoi Dумы, 2014. P. 141–154. (In Russ.).

6. Kiryanov I. K. Aktualizatsiia proshlogo v parlamentskikh diskussiiakh v Gosudarstvennoi dume pervogo i vtorogo sozyvov pozdneimperskoi Rossii, 1906–1907 gg. [Actualization of History in parliamentary discussions in the State Duma of the first and second convocations of late imperial Russia, 1906–1907] // Vestnik MGPU. Serii: Istoricheskie nauki. 2022. № 3 (47). P. 71–79. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06. (In Russ.).

7. Kiryanov I. K. Bitvy na poliakh istorii v Gosudarstvennoi dume pozdneimperskoi Rossii: keis tret'ego sozyva [Battles on the fields of history in the State Duma of late imperial Russia: a case of the third convocation] // Tavricheskie chteniia – 2021. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (St.-Peterburg, Tavricheskii dvorets, 9–10 dekabria 2021 g.): sbornik nauchnykh statei / ed. by A. B. Nikolaev. Saint Petersburg: Asterion, 2022. Pt. 1. P. 35–42. (In Russ.).

8. Malinova O. Iu. Politika pamiati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The politics of memory as a domain of symbolic politics] // Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati / otv. red.: A. I. Miller, D. V. Efremenko. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. P. 27–53. (In Russ.).

9. Samsonova L. A. Voina v kartinkakh. Otechestvennyi lubok perioda Pervoi mirovoi voiny. Na primere kolleksii plakatov-lubkov iz sobraniia muzeia-zapovednika istorii Dal'nego Vostoka imeni V. K. Arsen'eva [War in pictures. Domestic lubok from the period of the First World War. On the example of the lubok posters collection from the Museum-Reserve of the History of the Far

East named after V. K. Arsenyev] // *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Krasnoiarsk, 2022. № 4 (13). P. 99–105. DOI: 10.17516/2713-2714-0073 (In Russ.).

10. Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evoliutsiia «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: the evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 287 p. (In Russ.).

11. Filippova T., Baratov P. «Vragi Rossii». *Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire Pervoi mirovoi voiny* [“Enemies of Russia”. Images and rhetoric of enmity in Russian magazine satire of the First World War]. Moscow: AIRO-XX, 2014. 271 p. (In Russ.).